

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 911.3

В.И. Блануца
**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ КАК СИСТЕМА СМЫСЛОВ:
КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ПОСТСОВЕТСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ***Институт географии им. В.Б. Сочавы
Сибирского отделения Российской академии наук, Иркутск*

Проанализирован мировой опыт социально-экономического районирования в постсоветский период (1992–2016 гг.). Для итерационной процедуры идентификации смыслов районирования из широкого контекста и целевой направленности практик определения районов использовался интерпретативный контент-анализ. Изучение массива из 467 публикаций (журнальных статей и монографий) позволило выявить десять смыслов, при которых районирование воспринималось как бренд, реальность, картина мира, способ мышления, организация общества, новое знание, модель, прогноз, сеть и поток. В каждой публикации отмечалось от одного до шести смыслов. На основе частоты совместной встречаемости различных комбинаций из девяти смыслов (не рассматривался первый смысл, являющийся внешним атрибутом) определена внутренняя структура системы смыслов районирования. Выявлены часто встречающиеся комбинации смыслов и цепочки наиболее вероятного перехода от одних комбинаций к другим. Установлено, что идентифицированная система, которая находится в стадии формирования, является слабо связанной. Намечены перспективы дальнейшего осмысления феномена социально-экономического районирования.

Ключевые слова: социально-экономическая география, районирование, научный текст, смысл, интерпретативный контент-анализ, система.

V.I. Blanutsa
**SOCIO-ECONOMIC REGIONALIZATION AS A SYSTEM OF MEANINGS: CONTENT
ANALYSIS OF POST-SOVIET PUBLICATIONS***V.B. Sochava Institute of Geography, SB RAS, Irkutsk*

International experience of socio-economic regionalization in the post-Soviet period (1992 – 2016) was analyzed. Interpretive content analysis was used for the iterative identification of regionalization's meanings from a wider context and targeting of region-building practices. Study of an array of 467 publications (journal articles and monographs) has revealed ten meanings in which regionalization was perceived as a brand, reality, picture of the world, way of thinking, society organization, new knowledge, model, forecast, network and flow. Each publication contained from one to six meanings. The internal structure of the regionalization meanings' system was determined based on the co-occurrence frequency of different combinations of the nine meanings (not considering the first point, which is an external attribute). Common combinations of meanings and the most likely chains of transition from one combination to another have been revealed. It has been established that the identified system is under development and is loosely coupled. Prospects for further understanding of the socio-economic regionalization phenomenon are outlined.

Key words: human geography, regionalization, scientific text, meaning, interpretive content analysis, system.

doi 10.17072/2079-7877-2017-4-39-50

Введение

В социально-экономической географии одним из основных методов исследования является районирование. Опираясь на классические работы [3; 12], исторические обобщения [9; 10], концептуальные построения [6; 8; 11; 15; 18; 32], материалы конференции [14] и последние обзоры

[23; 24], было установлено, что отсутствует понимание социально-экономического районирования как системы разных смыслов. Так, В.Л. Каганский [11] сформулировал пять парадигм районирования, которые однако не охватывали все разнообразие существующих практик выявления районов и не опирались на статистическое обобщение мирового опыта. Аналогичная попытка была предпринята Х.К. Дуке с соавторами [32], но выделенные ими восемь стратегий районирования касались только методических вопросов и вообще не учитывали советские и российские работы.

Из этого следует, что необходимо обобщить как отечественный, так и зарубежный опыт социально-экономического районирования с целью установления системы преобладающих смыслов и количественной оценки их сочетаемости в современных практиках. Учитывая значительную трудоемкость такого исследования, хронологические рамки были ограничены постсоветским периодом (1992–2016 гг.), а анализируемый массив научных публикаций – журнальными статьями и монографиями. При этом отбирались только те публикации, которые относились непосредственно к районированию общества. Соответственно, вне анализа оказались многочисленные работы по природно-хозяйственному, эколого-экономическому и другим видам районирования процессов взаимодействия природы и общества, рассматриваемые некоторыми исследователями [23] в рамках социально-экономической географии.

В понятие «смысл» вкладывается разное содержание. Обычно «смысл» соответствует «значению», но это слишком зауженная трактовка. Наиболее развернутый анализ существующих определений провел Д.А. Леонтьев [13], выявивший два инвариантных атрибута смысла – контекстуальность и интенциональность. Иными словами, для определения смысла необходимо проанализировать широкий контекст (в нашем случае таковым является текст научной публикации для отдельных смыслов и массив всех публикаций – для системы смыслов) и уяснить целевую направленность районирования (в конкретной практике – для одного или нескольких смыслов и во всех практиках – для системы смыслов). Отсюда систему смыслов районирования можно определить как конечное множество взаимообусловленных и часто встречающихся смыслов, указывающих на предназначение районирования в научном познании общественных процессов.

Для изложения основных результатов проведенного исследования сначала дадим общую характеристику отобранного массива публикаций с перечнем выявленных смыслов, затем – краткое описание каждого смысла с последующим переходом к особенностям выявления взаимосвязей между смыслами посредством контент-анализа публикаций. Такое представление исходной информации и методики ее обработки позволит далее лучше понять взаимообусловленность отдельных смыслов, их комбинаций и всей системы, отражающей мировую практику проведения социально-экономического районирования в постсоветский период. Объем статьи не позволяет привести все выявленные сочетания смыслов (таковых зафиксировано 159), но основные из них раскроем в тексте статьи.

Массив публикаций

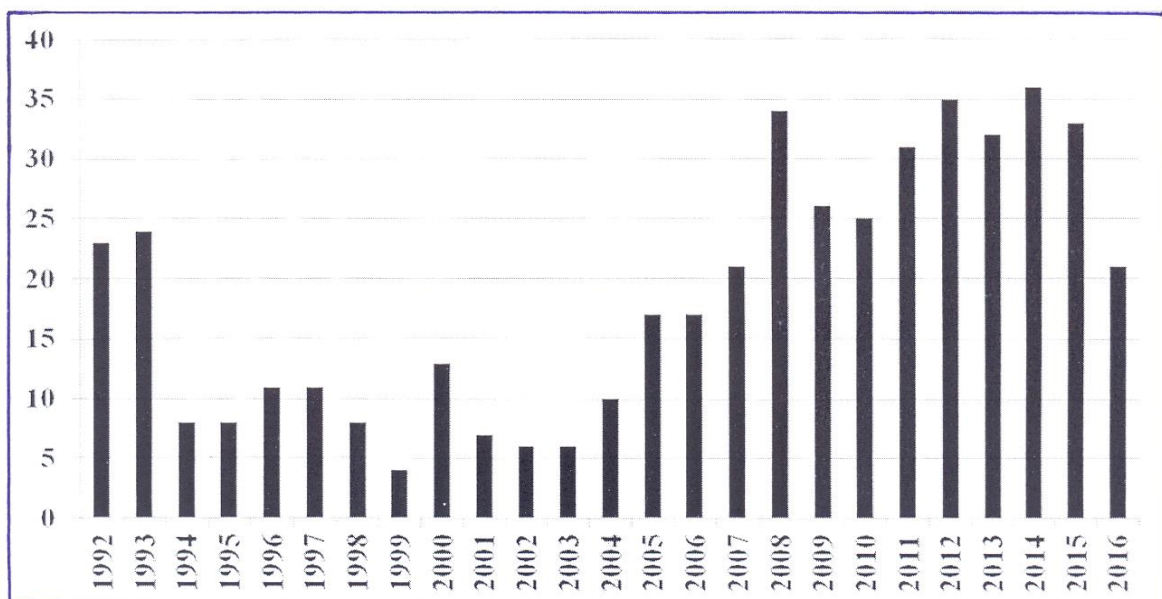

Рис. 1. Изменение ежегодного количества публикаций по социально-экономическому районированию в постсоветский период (1992–2016 гг.)

Подробный анализ текста каждой публикации, проводимый с учетом существующих концептуальных построений в области социально-экономического районирования [6; 8; 11; 15; 18; 32], позволил выявить ряд латентных смыслов. Процесс исследования научных текстов носил итерационный характер: каждый раз после обнаружения нового смысла повторно изучались все ранее рассмотренные работы с целью выявления этого смысла с учетом зафиксированного контекста. В результате изучения 467 работ был отмечен ряд смыслов, среди которых выделены основные (встречаются не менее чем в 1% массива публикаций). Таковых оказалось девять. Остальные смыслы («районирование как размытое множество» и др.) в силу их статистической незначительности далее не анализировались. Помимо этого, изучение работ по районированию, выполненных не географами, позволило выявить еще один – «имиджевый» смысл, позиционирующий социально-экономическое районирование среди других наук. Ему присвоен символ «А» как «внешнему» смыслу относительно девяти «внутренних» смыслов, обозначенных литерами от «Б» до «К». Далее приведем краткое описание каждого смысла, из которых «А» этим и ограничится, а остальные смыслы будут вовлечены в контент-анализ.

Смыслы районирования

А. *Районирование как бренд.* Значимость районирования как такового определяется тем, что оно формирует «образ географии» [6] и является «визитной карточкой» отечественной социально-экономической географии [18]. Недаром научную школу, основанную Н.Н. Баранским и Н.Н. Колосовским, называют районной [22]. Именно благодаря районированию современная социально-экономическая география методологически отличается от других наук, изучающих пространственные аспекты общественного развития, – региональной социологии, пространственной экономики, политической регионалистики и др.

Б. *Районирование как реальность.* В российско-советской районной школе принято считать, что процесс социально-экономического районообразования является объективным [12; 23] и главной задачей исследователей является как можно более точная идентификация реально существующих районов. За рубежом придерживаются иной точки зрения [27; 37; 38] – районирование является субъективным и отражает желание исследователей упорядочить пространство в связи с решением очередной задачи; при разных задачах будут разные схемы дифференциации территории и нет никакого объективного районообразования. В постсоветское время произошла частичная дивергенция: некоторые западные исследователи, занимающиеся выделением функциональных районов [29; 33; 35], стали склоняться к мысли об объективности процесса формирования районов, а отдельные российские географы, специализирующиеся, например, в области определения вернакулярных и культурно-географических районов, – к восприятию районирования как субъективного процесса. Тем не менее общий тренд российских изысканий в данной области связан с пониманием районирования как реальности.

В. *Районирование как картина мира.* При географическом описании больших территорий (например, континентов, субконтинентов, групп стран, крупных стран) невозможно характеризовать каждую точку на карте. Необходима какая-то укрупненная сетка, которая позволит представить блоки собранных сведений. Такая сетка может быть произвольной (к примеру, координатная сетка с ячейками 10x10 градусов или другим размером), но тогда она может разделить единые территориальные социально-экономические системы и тем самым затруднит описание. Можно воспользоваться сеткой административно-территориального деления, что допустимо только при равномерном и однотипном хозяйственном освоении территории. Поэтому для минимизации искажений «картины мира» лучше всего применить схему районирования, соответствующую задачам описания и в этом смысле являющуюся субъективной.

Г. *Районирование как способ мышления.* Доминирующая в настоящее время схема научного познания действительности опирается на логические операции упорядочения, систематизации знаний. В большинстве наук это выражается через процедуру классификации. В исторических науках особое внимание уделяется периодизации, а в географических – районированию. Мышление профессиональных географов устроено так, что они в большинстве случаев стараются увидеть в изучаемом процессе формирование некоторой системы районов. Это может играть не только положительную роль, так как не во всех случаях образуются районы. В этом плане весьма примечательно предложение Л.В. Смирнягина [19] начинать исследование с проверки районируемости территории.

Д. *Районирование как организация общества.* Для управления и самоуправления территориальными сообществами вводится специальная система районов, которую принято называть административно-территориальным делением (районированием). В данном случае главная задача – это приближение схемы административного районирования к формирующейся территориальной организации общества. В нашей стране при перестройке системы административно-территориальных единиц в 1920-е гг. опирались на экономическое районирование [2; 21] как адекватное отражение территориальной организации общества. В настоящее время также звучат рекомендации по пересмотру существующих административных границ как в России [1; 16; 20], так и за рубежом [28; 29].

Е. *Районирование как новое знание.* Выделение социально-экономических районов происходит путем целенаправленной обработки различных статистических данных. При этом если районирование проведено «правильно», то полученные районы «несут» новое знание о территориальной организации общества. Это знание не должно соответствовать структурированию исходных статистических данных, ибо тогда оно не будет «новым». Например, для характеристики конечного множества операционных территориальных единиц (ОТЕ) используется несколько параметров, и значения каждого из них распределены по одним и тем же пяти группам ОТЕ. Тогда, если в результате расчетов получаются пять районов (групп смежных ОТЕ), то эта схема районирования не добавляет ничего нового к априори известному распределению ОТЕ. Однако в большинстве случаев выявленная система районов отличается от исходных данных и таким образом дает новое знание о территориальной организации. Не вдаваясь в соответствие между качественным знанием и количественными данными, следует отметить, что на сегодня не разработаны количественные методы оценки приращения информации при переходе от группы ОТЕ к объединяющему их целостному району. Иначе говоря, предполагается, что целое (район) больше, чем сумма частей (ОТЕ), но неясно – насколько.

Ж. *Районирование как модель.* Каким бы совершенным не был метод районирования, он не способен зафиксировать всю сложность территориальной организации общества. Ни переход от двумерной схемы районирования к выделению объемных (трехмерных) районов, ни замена четких границ районов на размытые переходные полосы между ядрами районов, ни чрезмерный рост количества учитываемых параметров, ни появление лакун в сплошной сетке, ни значительное уменьшение размера (площади) исходных ОТЕ, ни оперирование темпоральными (временными) рядами данных, ни ориентация на потоки сырья, товаров, людей и информации между поселениями неспособны полностью воспроизвести искомую территориальную организацию. Районирование по-прежнему остается одним из способов моделирования.

З. *Районирование как прогноз.* Прогностическая функция районирования проявляется в (а) обнаружении такой инвариантной системы районов, которая бы сохранялась неизменной на протяжении ряда лет и позволяла проводить изучение и управление обществом (наиболее реализуема в интегральном экономическом районировании и наименее – в динамично развивающихся сферах; например, в инфокоммуникационно-сетевом районировании [8]), (б) определении основных трендов в рамках прогнозного районирования и предсказания будущих систем районов [4] и (в) выявлении эволюционных районов на основе измерения темпоральной идентичности смежных ОТЕ [8]. Определенные надежды в области прогнозирования возлагаются на «большие данные» [34], но применительно к социально-экономическому районированию такой подход еще не изучен.

И. *Районирование как сеть.* Согласно сетевой идеологии [7], все состоит из сетей или может быть представлено в виде сетей. Отсюда схема районирования также является сетью, состоящей из узлов (районов) и соединяющих их линий (между соседями или разными иерархическими уровнями). При этом в зависимости от числа таксономических (иерархических) уровней районирования сеть может быть простой (при наличии только районов) или иерархической (в случае выделения районов, подрайонов и других таксонов). Такое преобразование системы районов в сеть позволяет выявить латентные сетевые свойства территориальной структуры [8]. Помимо этого, переход от районов к сети возможен при решении оптимизационной задачи построения линейно-узловой структуры [5], а обратное движение (от сети к районам) – в рамках сетевого районирования территории [8].

К. *Районирование как поток.* Представление Н.Н. Колосовского [12] о процессе формирования экономических районов опиралось на его концепцию энерго-производственных циклов, что в современной трактовке соответствует потокам вещества и энергии. В свою очередь, изучение потоков людей, осуществляющих поездки на работу («travel-to-workflows»), лежит в основе функционального районирования [31; 33; 35], а исследование информационных потоков –

инфокоммуникационно-сетевого районирования [8]. Таким образом, районирование тесно связано с различными потоками и в некотором смысле само является потоком. Это следует из того, что социально-экономический район обычно представляет собой группу взаимодействующих городов, а они рассматриваются как потоки [26]. Возможен и более широкий – эволюционный взгляд на процесс районообразования, приводящий к использованию понятий о потоках («канал», «трафик», «волна», «турбулентность», «краевой эффект» и др.) для интерпретации хронологической последовательности перехода от одной системы районов к другим.

Контент-анализ

Под контент-анализом (анализом содержания) понимается формализованный способ обработки отдельного текста или массива разных текстов с целью установления количественных взаимосвязей между заданными элементами (единицами анализа). Различают содержательный и структурный контент-анализы, относящиеся к традиционным методам общественных наук [17; 30; 36]. В первом случае исследуется смысловое и символическое содержание текстов, а во втором – объемное и позиционное (применительно к смыслам районирования это выражается в объеме текста, приходящемся на один смысл, его размещении в той или иной части отдельной публикации, наличии или отсутствии картографических изображений и др.). В нашем исследовании использовался содержательный анализ, точнее, один из его вариантов – интерпретативный контент-анализ (interpretive content analysis) [25]. Это вызвано тем, что в текстах по районированию редко приводится прямое указание на конкретный смысл, что исключает использование традиционных единиц анализа в виде слов и словосочетаний и заставляет оперировать единицами («темами»), учитывающими контекст.

Анализ содержания постсоветских публикаций по социально-экономическому районированию заключался в итерационной процедуре извлечения из контекста смыслов, о чем было сказано выше, придании смыслам статуса единиц анализа [25; 30] и определении количества единиц счета (публикаций), приходящихся на отдельные единицы анализа (смыслы) и их комбинации. Последняя операция позволила рассчитать частоту встречаемости смыслов и их комбинаций в рассматриваемом массиве публикаций. В итоге было установлено, что в каждой работе присутствовал один или несколько (максимум шесть) смыслов, а по относительной частоте встречаемости (%) все девять смыслов выстроились в следующую упорядоченную последовательность (использованы приведенные выше буквенные символы смыслов): Г (84,2%), Б (41,8), В (41,3), Ж (27,6), Д (21,8), Е (14,8), З (7,5), К (6,0), И (1,7%).

Система смыслов

Выявленные смыслы образуют единую систему на том основании, что они раскрывают разные стороны социально-экономического районирования. Если использовать логические символы \wedge («и») и \vee («или»), то систему смыслов районирования можно записать в следующем виде:

$$(B \vee B) \wedge (G \wedge D \wedge E \wedge J \wedge Z \wedge I \wedge K).$$

Отсюда следует, что в одной работе по районированию теоретически возможно одновременное присутствие восьми смыслов (взаимоисключающими являются только смыслы Б и В, соответствующие пониманию района как объективного или субъективного территориального образования). Однако в рассматриваемом массиве зафиксировано максимум шесть смыслов в одной публикации, а все смыслы так неравномерно распределены между единицами счета, что образуют на первый взгляд очень запутанную систему. Чтобы разобраться во всех взаимоотношениях между смыслами, была рассчитана частота встречаемости комбинаций смыслов. Это позволило идентифицировать структуру системы смыслов районирования.

В первом приближении искомую систему можно воспроизвести посредством контент-анализа текстов, при котором единицей анализа является пара смыслов. При девяти смыслах и одном ограничении $(B \vee B)$ таких пар будет 35. Из них 25 пар встречались не менее чем в 1% и 6 пар – более чем в 10% всех публикаций (рис. 2). Таким образом, при нацеленности исследования на выделение районов (смысл Г; в 15,8% публикаций он отсутствовал из-за вспомогательной роли районирования при решении более общих задач) чаще всего под последними понимались субъективные (относительная частота совместной встречаемости смыслов В и Г составляла 37,7%; запись: $BG = 37,7$) или объективные ($BG = 37,0$) территориальные образования (в остальных 25,3% публикаций $B \vee B$ и Г в контексте не присутствовали), с некоторой условностью (вероятностью) воспроизводящие ($GJ = 23,3$) реальную ($BJ = 11,8$) или статистическую ($VJ = 14,6$) дифференциацию территории при

понимании необходимости придания объективным районам статуса административно-территориальных единиц (БД = 10,9).

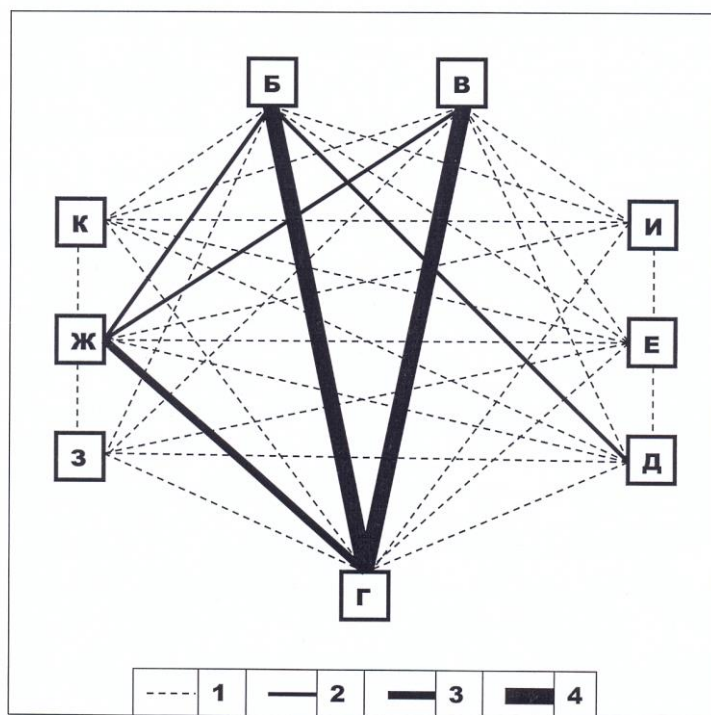

Рис. 2. Неориентированный граф, вершины которого соответствуют смыслам районирования, а ребра – относительной частоте встречаемости двух смыслов в одной публикации по социально-экономическому районированию (1992–2016 гг.): Б, ..., К – смыслы районирования (расшифровка символов дана в тексте). Градация значений относительной частоты: 1 – 1–9%, 2 – 10–19%, 3 – 20–29% и 4 – 30–39%

Во втором и следующих приближениях понимание сущности естественно сложившейся системы смыслов районирования достигается за счет выявления наиболее часто встречающихся комбинаций из трех, четырех и т.д. смыслов. Например, если оперировать символами > («больше») и = («равно»), указывающими на превышение или равенство значений относительной частоты встречаемости комбинаций смыслов, то для не менее чем для 1% публикаций характерен следующий упорядоченный ряд комбинаций со смыслом Б:

Б > БГ > БЖ > БД > БГЖ > БЕ > БГЕ > БГД > БЕЖ = БГЕЖ > БЗ > БК > БГЗ > БГК > БЖК > БДЕ
= БДЗ = БЕК = БГЕК = БГЖК > БДЖ = БЕЗ > БЖЗ = БГДЕ = БЕЖК = БГЕЖК > БГЕЗ > БГЖЗ >
БГДЗ = БДЕЗ > БИ.

По количеству таких комбинаций все смыслы выстраиваются в следующую упорядоченную последовательность (в скобках приведено количество комбинаций в не менее чем 1% публикаций): Г (39), Е (34), Б (31), Ж (30), З (21), Д (20), К (18), В (15), И (7). Нетрудно заметить, что этот ряд отличается от приведенной выше последовательности девяти смыслов по частоте встречаемости каждого из них в отдельности (коэффициент ранговой корреляции Спирмена составил 0,6 при критическом значении 0,7, что свидетельствует о статистически не значимой зависимости сравниваемых последовательностей). Таким образом, в анализируемом массиве публикаций смыслы формируют количество комбинаций не пропорционально частоте своей встречаемости. Это указывает на развивающуюся структуру системы смыслов социально-экономического районирования (при стабилизации системы обе последовательности будут одинаковыми).

Если рассматривать все имеющиеся в массиве публикаций комбинации смыслов (т.е. убрать 1%-ное ограничение) и учитывать только наиболее вероятные переходы от одного набора смыслов к другому (прежний набор плюс один новый смысл), то можно построить цепочки преобладающего возрастания количества смыслов в одной публикации (рис. 3). Эта информация позволяет уточнить сделанный выше вывод о развивающейся системе в плане примерного установления стадии развития. При девяти исходных смыслах развитие системы может осуществляться в девять стадий. На первой из них количество ориентированных графов (орграфов) соответствует числу отдельных смыслов, а на последней – все переходы заканчиваются одной комбинацией смыслов, то есть имеет место один

орграф. В нашем случае было три орграфа (рис. 3), что можно интерпретировать как нахождение системы смыслов социально-экономического районирования на седьмой стадии развития. Помимо этого, в каждой стадии возможно выделение одиннадцати уровней по относительной частоте встречаемости последней (на орграфе) комбинации (при нескольких таких комбинациях рассчитывается среднеарифметическое значение): до 1%, до 10%, до 20%, ..., до 100%. Массив проанализированных постсоветских публикаций относится к первому уровню (БГЕЖИК = ВГЕЖИ = 0,6%; БГДЕЖЗ = 0,2%; среднее значение равно 0,5%), что свидетельствует об очень слабой связанности комбинаций и большой редкости многосмысловых комбинаций.

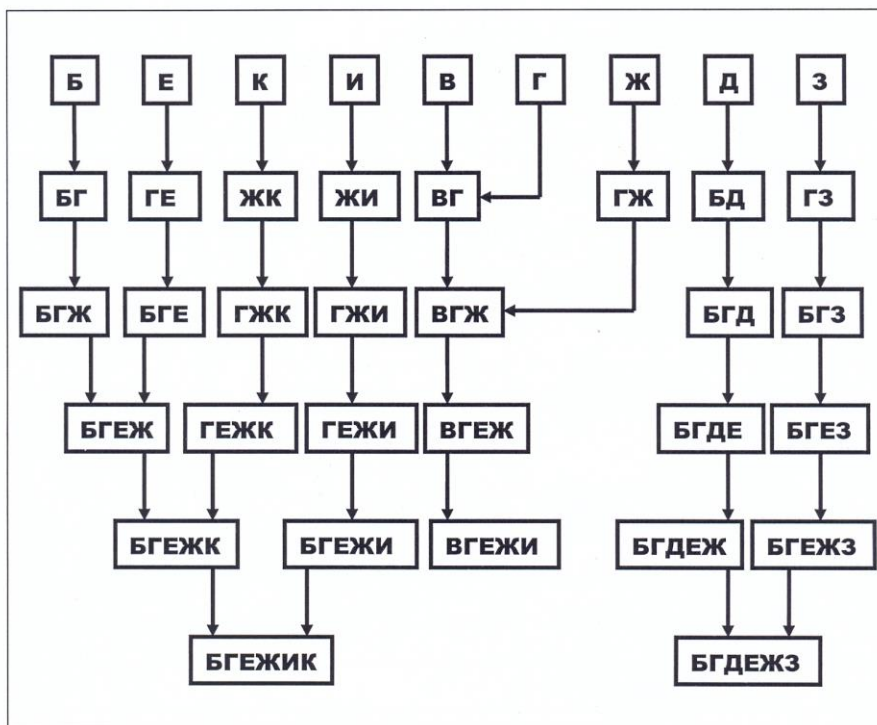

Рис. 3. Ориентированные графы наиболее вероятного перехода от одного к нескольким (прежние плюс один) смыслам социально-экономического районирования (1992–2016 гг.): Б, ..., К – смыслы районирования (расшифровка символов дана в тексте)

Если система смыслов фиксирует, согласно приведенному выше определению, предназначение районирования в познании общественных процессов, тогда она может задавать контуры сферы потенциального применения результатов районирования. Такой переход («система смыслов → сфера применения») весьма актуален в плане практического использования схем районирования, никем ранее не изучался и выходит за рамки данной статьи. Поэтому лишь отметим, что в зависимости от формы практического использования целесообразно различать первичные (привлекаются собственно итоги выявления районов), вторичные (анализируются не сами районы, а их обобщения и интерпретации), третичные (обобщаются предыдущие обобщения) и последующие сферы применения. В качестве примера приведем следующий потенциальный переход: схема районирования как комбинация смыслов БДИ → административно-территориальное деление (первичная сфера применения; учитываются границы районов) → сетевое управление (вторичная сфера; районы преобразуются в сеть [5]) → региональная политика (третичная сфера; сеть трансформируется в зоны с разной стратегией развития [8]).

Заключение

Проведенное исследование является первой попыткой осмысления предназначенности социально-экономического районирования посредством контент-анализа значительного массива публикаций, отражающего постсоветский мировой опыт в данной области. Выявлено девять внутренних и один внешний смысл, когда районирование воспринимается как бренд, реальность, картина мира, способ мышления, организация общества, новое знание, модель, прогноз, сеть и поток. Через частоту совместной встречаемости девяти смыслов установлены взаимосвязи между ними и тем самым

определена структура системы смыслов. В рассмотренный период времени эта система находилась в стадии формирования и характеризовалась очень слабой связанностью.

Перспективы дальнейшего исследования смыслов социально-экономического районирования могут быть связаны как минимум с шестью направлениями. Во-первых, желательно выяснить, насколько постсоветская система смыслов районирования отличается от аналогичных систем отечественных периодов (по Д.Н. Замятину [9, с. 123–124]) «развития идей» (1910–1922 гг.), «эксплуатации идей» (1923–1929 гг.) и «резкого падения числа публикаций» (1930–1941 гг.), которые можно дополнить советскими периодами доминирования одной концепции (примерно 1942–1979 гг.) и появления новых взглядов (1980–1991 гг.). Не исключено, что с первого по четвертый период количество смыслов районирования существенно уменьшилось, а их связанность значительно выросла. При этом было бы целесообразно определить количественные закономерности трансформации системы смыслов районирования. Во-вторых, необходимо разобраться, почему при отсутствии ограничений (кроме Б\В) в мировой практике социально-экономического районирования не встречаются многие комбинации смыслов (БГДИК, ВГДК, ВДЗИ и др.). В-третьих, на основе выявленной системы можно проводить оценку оригинальности каждой новой работы по выделению районов и прогнозировать возможность появления той или иной комбинации смыслов социально-экономического районирования. В-четвертых, возможно установление новых закономерностей при структурном контент-анализе, нацеленном на поиск объемных и позиционных характеристик. В-пятых, интерпретативный контент-анализ необходимо формализовать для автоматизированной обработки «больших данных» [34], что возможно посредством представления смысловых контекстов в виде размытых множеств ключевых слов. И, наконец, в-шестых, желательно проанализировать постсоветские практики социально-экономического районирования в плане выявления множества переходов «система смыслов → сфера применения», а также определить предельное число потенциально возможных переходов.

Библиографический список

1. Адамеску А., Кистанов В., Савельев В. Экономическое районирование как основа территориального устройства России // Федерализм. 1998. № 1. С. 111–134.
2. Багдасарян С.Д. Реформа районирования в 1920-е годы: организация местного управления // Былые годы. Российский исторический журнал. 2011. № 3. С. 40–45.
3. Баранский Н.Н. Избранные труды: Становление советской экономической географии. М.: Мысль, 1980. 287 с.
4. Блануца В.И. Преобразование метода районирования для решения задач географического прогнозирования // География и природные ресурсы. 1987. № 4. С. 132–138.
5. Блануца В.И. Оптимизация топологии геоинформационной сети: географический подход // География и природные ресурсы. 1989. № 4. С. 116–124.
6. Блануца В.И. Некоторые направления расширения районологического знания // География и природные ресурсы. 1992. № 1. С. 119–126.
7. Блануца В.И. Географическое изучение сетевого мира: исходные установки и перспективные направления // География и природные ресурсы. 2012. № 1. С. 5–13.
8. Блануца В.И. Развертывание информационно-коммуникационной сети как географический процесс (на пример становления сетевой структуры сибирской почты): монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 246 с.
9. Замятин Д.Н. Наукометрический анализ истории развития экономического районирования России и СССР (1761 – 1941 гг.) // Известия РАН. Серия географическая. 1993. № 4. С. 116–124.
10. Замятин Д.Н. Научные концепции и научные парадигмы в области экономического районирования России и СССР (1870 – 1941 гг.) // География и природные ресурсы. 2000. № 1. С. 5–9.
11. Каганский В.Л. Основные практики и парадигмы районирования // Региональные исследования. 2003. № 2. С. 17–30.
12. Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. М.: Мысль, 1969. 336 с.
13. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 487 с.
14. Районирование в современной экономической, социальной и политической географии: потенциал, теория, методы, практика: тез. докладов Всерос. науч. конф. с межд. участием / под ред. А.Г. Дружинина и В.Е. Шувалова. Ростов н/Д : ИнфоСервис, 2004. 248 с.

15. *Родоман Б.Б.* Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.
16. *Романов М.Т.* Проблемы экономического районирования и административно-территориального устройства России в новых условиях // Известия РАН. Серия географическая. 2006. № 3. С. 57–66.
17. *Семёнова А.В., Корсунская М.В.* Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / под ред. В.А. Мансурова. М.: Институт социологии РАН, 2010. 324 с.
18. *Смирнягин Л.В.* Узловые вопросы районирования // Известия РАН. Серия географическая. 2005. № 1. С. 5–16.
19. *Смирнягин Л.В.* Методические подходы к районированию в общественной географии // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2011. № 6. С. 13–19.
20. *Файбусович Э.Л., Мартынов В.Л.* Тенденции и перспективы изменения административно-территориального деления России // Псковский регионологический журнал. 2006. № 2. С. 28–36.
21. *Филимонов В.Я.* Проблемы сельскохозяйственного и административного районирования России в 1920-е гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 390–402.
22. *Шувалов В.Е.* Концептуальные проблемы развития отечественной районной школы социально-экономической географии // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2005. № 1. С. 13–25.
23. *Шувалов В.Е.* Районирование в российской социально-экономической географии: современное состояние и направления развития // Региональные исследования. 2015. № 3. С. 19–29.
24. *Шувалов В.Е.* Районирование в трудах экономико-географов // Социально-экономическая география в России / под ред. П.Я. Бакланова и В.Е. Шувалова. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 103–116.
25. *Ahuvia A.* Traditional, interpretive, and reception based content analyses: improving the ability of content analyses to address issues of pragmatic and theoretical concern // Social Indicators Research. 2001. Vol. 54, № 2. P. 139–172.
26. *Batty M., Cheshire J.* Editorial. Cities as flows, cities of flows // Environment and Planning B. 2011. Vol. 38, № 2. P. 195–196.
27. *Berry B.J.L.* A method for deriving multi-factor uniform regions // Przegląd Geograficzny. 1961. Vol. 33, № 2. P. 263–282.
28. *Coccean P.* Project for a functional regionalization of Romania // Romanian Review of Regional Studies. 2013. Vol. 9, № 2. P. 3–8.
29. *Corvers F., Hensen M., Bongaerts D.* Delimitation and coherence of functional and administrative regions // Regional Studies. 2009. Vol. 43, № 1. P. 19–31.
30. *Drisko J.M., Maschi T.* Content Analysis. Oxford: Oxford University Press, 2016. 191 pp.
31. *Drobne S., Konjar M., Lisec A.* Delimitation of functional regions of Slovenia based on labor market analysis // Geodetski Vestnik. 2010. Vol. 54, № 4. P. 481–500.
32. *Duque J.C., Ramos R., Surinach J.* Supervised regionalization methods: a survey // International Regional Science Review. 2007. Vol. 3, № 3. P. 195–220.
33. *Florez-Revuelta F., Casado-Diaz J., Martinez-Bernabeu L.* An evolutionary approach to the delineation of functional areas based on travel-to-work flows // International Journal of Automation and Computing. 2008. Vol. 5, № 1. P. 10–21.
34. *Kitchin R.* The Data Revolution: Big Data, Open Data, Data Infrastructures and Their Consequences. Los Angeles: SAGE Publ., 2014. xvii + 222 pp.
35. *Laan L.V.D., Schalke R.* Reality versus policy: the delineation and testing of local labor market and spatial policy areas // European Planning Studies. 2001. Vol. 9, № 2. P. 201–222.
36. *Mayring P.* Qualitative Content Analysis: Theoretical Foundation, Basic Procedures and Software Solution. Klagenfurt: SSOAR, 2014. 143 pp.
37. *Nader G.A.* An economic regionalization of Canada: the validity of provinces as regions for the conduct of regional economic policy // Canadian Journal of Regional Science. 1980. Vol. 3, № 2. P. 117–138.
38. *Spence N.A.* A multifactor uniform regionalization of British Counties on the basis of employment data for 1961 // Regional Studies. 1968. Vol. 2, № 1. P. 87–104.

References

1. Adamesku, A., Kistanov, V., and Savel'ev, V. (1998), "Economic regionalization as the basis of the territorial structure of Russia", *Federalizm* [Federalism], no. 1, pp. 111–134.
2. Bagdasaryan, S. (2011), "Reform of regionalization in the 1920s: the organization of local government", *Bylye gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal* [Past years. Russian Historical Journal], no. 3, pp. 40–45.
3. Baranskij, N. (1980), "*Izbrannye trudy: Stanovlenie sovetskoj ehkonomicheskoy geografii*" [Selected papers: Formation of Soviet economic geography], Mysl' Publ., Moscow, Russia.
4. Blanutsa, V. (1987), "Converting regionalization method for solving geographical forecasting", *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and Natural Resources], no. 4, pp. 132–138.
5. Blanutsa, V. (1989), "Topology optimization of the geoinformational network: geographical approach", *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and Natural Resources], no. 4, pp. 116–124.
6. Blanutsa, V. (1992), "Some directions for the broadening of knowledge on regionalization", *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and Natural Resources], no. 1, pp. 119–126.
7. Blanutsa, V. (2012), Geographical investigation of the network world: basic principles and promising directions, *Geography and Natural Resources*, vol. 33, no. 1, pp. 1–9.
8. Blanutsa, V. (2016), "*Razvertyvanie informacionno-kommunikacionnoj seti kak geograficheskij process (na primere stanovleniya setевой структуры sibirskoj pochty)*" [Deployment of information and communication networks as geographical process (for example the formation of a network structure of the Siberian mail)], INFRA-M Publ., Moscow, Russia.
9. Zamyatin, D. (1993), "The development of economic regionalization in Russia and the USSR (1761 – 1941)", *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical series], no. 4, pp. 116–124.
10. Zamyatin, D. (2000), "Scientific conceptions and paradigms in economic regionalization of Russia and the USSR (1870 – 1941)", *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and Natural Resources], no. 1, pp. 5–9.
11. Kaganskij, V. (2003), "Main practices and paradigms of regionalization", *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], no. 2, pp. 17–30.
12. Kolosovskij, N. (1969), "*Teoriya ehkonomicheskogo rajonirovaniya*" [The theory of economic regionalization], Mysl' Publ., Moscow, Russia.
13. Leont'ev, D. (2003), "*Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti*" [Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of the sense reality], 2nd ed., Smysl Publ., Moscow, Russia.
14. Druzhinin, V. and Shuvalov, V. (ed.) (2004), "*Rajonirovanie v sovremennoj ehkonomicheskoy, social'noj i politicheskoy geografii: potencial, teoriya, metody, praktika: tezisy dokladov Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Rostov-na-Donu, 23-26 sent., 2004*" [Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation «Regionalization in the current economic, social and political geography: potential theory, methods, practice», Rostov-on-Don, September 23-26, 2004], InfoServis Publ., Rostov-on-Don, Russia.
15. Rodoman, B. (1999), "*Territorial'nye arealy i seti. Ocherki teoreticheskoy geografii*" [Territorial areas and network. Essays on theoretical geography], Ojkumena Publ., Smolensk, Russia. 256 p.
16. Romanov, M. (2006), "Problems of economic regionalization and the administrative-territorial structure of Russia under the new conditions", *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical series], no. 3, pp. 57–66.
17. Semyonova, A. and Korsunskaya, M. (2010), "*Kontent-analiz SMI: problemy i opyt primeneniya*" [Media Content Analysis: Problems and Experiences], Ed. V. A. Mansurov, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
18. Smirnyagin, L. (2005), "Key issues of regionalization", *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical series], no. 1, pp. 5–16.
19. Smirnyagin, L. (2011), "Methodological approaches to regionalization in social geography", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Bulletin of Moscow University. Series 5. Geography], no. 6, pp. 13–19.
20. Fajbusovich, E. and Martynov, V. (2006), "Trends and prospects of changing the administrative-territorial division of Russia", *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov Regionalization Magazine], no. 2, pp. 28–36.

21. Filimonov, V. (2012), "The problems of Russia's agricultural and administrative regionalization in the 1920s", *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy* [Yearbook of Agrarian History of Eastern Europe], no. 1, pp. 390–402.
22. Shuvalov, V. (2005), "Conceptual problems of development of the Russian school of regionalization in social economic geography", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Bulletin of Moscow University. Series 5. Geography], no. 1, pp. 13–25.
23. Shuvalov, V. (2015), "Regionalization in the Russian socio-economic geography: the current state and development trends", *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], no. 3, pp. 19–29.
24. Shuvalov, V. (2016), "Regionalization in the papers of economic geographers", in Baklanov, P. Ya. and Shuvalov, V. E. (ed.) *Social'no-ehkonomicheskaya geografiya v Rossii* [Socio-economic geography in Russia], Dal'nauka Publ., Vladivostok, Russia, pp. 103–116.
25. Ahuvia, A. (2001), Traditional, interpretive, and reception based content analyses: improving the ability of content analyses to address issues of pragmatic and theoretical concern, *Social Indicators Research*, vol. 54, no. 2, pp. 139–172.
26. Batty, M. and Cheshire, J. (2011), Editorial. Cities as flows, cities of flows, *Environment and Planning B*, vol. 38, no. 2, pp. 195–196.
27. Berry, B.J.L. (1961), A method for deriving multi-factor uniform regions, *Przeglad Geograficzny*, vol. 33, no. 2, pp. 263–282.
28. Cocean, P. (2013), Project for a functional regionalization of Romania, *Romanian Review of Regional Studies*, vol. 9, no. 2, pp. 3–8.
29. Corvers, F., Hensen, M., and Bongaerts D. (2009), Delimitation and coherence of functional and administrative regions, *Regional Studies*, vol. 43, no. 1, pp. 19–31.
30. Drisko, J.M. and Maschi, T. (2016), *Content Analysis*, Oxford University Press, Oxford, UK. 191 p.
31. Drobne, S., Konjar, M., and Lisec, A. (2010), Delimitation of functional regions of Slovenia based on labor market analysis, *Geodetski Vestnik*, vol. 54, no. 4, pp. 481–500.
32. Duque, J.C., Ramos, R., and Surinach, J. (2007), Supervised regionalization methods: a survey, *International Regional Science Review*, vol. 3, no. 3, pp. 195–220.
33. Florez-Revuelta, F., Casado-Diaz, J., and Martinez-Bernabeu, L. (2008), An evolutionary approach to the delineation of functional areas based on travel-to-work flows, *International Journal of Automation and Computing*, vol. 5, no. 1, pp. 10–21.
34. Kitchin, R. (2014), *The Data Revolution: Big Data, Open Data, Data Infrastructures and Their Consequences*, SAGE Publ., Los Angeles, USA.
35. Laan, L.V.D. and Schalke, R. (2001), Reality versus policy: the delineation and testing of local labor market and spatial policy areas, *European Planning Studies*, vol. 9, no. 2, pp. 201–222.
36. Mayring, P. (2014), *Qualitative Content Analysis: Theoretical Foundation, Basic Procedures and Software Solution*, SSOAR, Klagenfurt, Austria.
37. Nader, G.A. (1980), An economic regionalization of Canada: the validity of provinces as regions for the conduct of regional economic policy, *Canadian Journal of Regional Science*, vol. 3, no. 2, pp. 117–138.
38. Spence, N.A. (1968), A multifactor uniform regionalization of British Counties on the basis of employment data for 1961, *Regional Studies*, vol. 2, no. 1, pp. 87–104.

Поступила в редакцию: 02.03.2017

Сведения об авторе

Блануца Виктор Иванович

доктор географических наук, эксперт РАН,
ведущий научный сотрудник Института
географии им. В. Б. Сочавы Сибирского
отделения Российской академии наук;
Россия, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-баторская,
д. 1;

About the author

Victor I. Blanutsa

Doctor of Geographical Sciences, Expert of RAS,
Leading Researcher, V.B. Sochava Institute of
Geography of the Siberian Branch of RAS;
1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, Russia;

e-mail: blanutsa@list.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Блануца В.И. Социально-экономическое районирование как система смыслов: контент-анализ постсоветских публикаций // Географический вестник = Geographical bulletin. 2017. №4(43). С.39–50. doi 10.17072/2079-7877-2017-4-39-50

Please cite this article in English as:

Blanutsa V.I. Socio-economic regionalization as a system of meanings: content analysis of post-soviet publications // Geographical bulletin. 2017. №4(43). P. 39–50. doi 10.17072/2079-7877-2017-4-39-50

УДК 911.3:330.3

К.А. Морачевская, А.С. Зиновьев

ЭФФЕКТЫ ОБРАЗОВАНИЯ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА ДЛЯ РЕГИОНОВ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО И РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ*

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

В данной статье оценивается влияние важного институционального изменения на постсоветском пространстве (образование Таможенного союза) на отдельные приграничные (соседствующие) регионы его первых участников: России, Беларуси и Казахстана. Выделены институциональные, экономические эффекты и эффекты регионального развития. За основу анализа взяты статистические издания и материалы экспертных интервью, проведенных в ходе полевых исследований в 2016–2017 гг. Установлено, что главными эффектами образования Таможенного союза являются институциональные. Их содержание (новые нормативно-правовые документы) одинаковое для двух участков границ, а последствия различны и сильно зависят от сочетания страновых и локальных факторов. Экономический эффект от создания Таможенного союза, который должен был увеличить объемы взаимной торговли, неодинаков. В большинстве случаев до 2013 г. объем внешней торговли со страной-соседом у регионов приграничья увеличивался. Дальнейшая же динамика определялась общемировой конъюнктурой в сырьевых секторах экономики, экономическим кризисом и другими факторами.

Ключевые слова: Таможенный союз, приграничные регионы, институциональные эффекты, внешняя торговля

K.A. Morachevskaya, A.S. Zinovyev

EFFECTS OF THE CUSTOMS UNION FOR THE REGIONS OF THE RUSSIAN-BELARUSIAN AND RUSSIAN-KAZAKHSTAN BORDERLAND

Saint Petersburg State University, St. Petersburg

This paper assesses the impact of an important institutional change in the post-Soviet space – the Customs Union formation – on certain border (neighboring) regions of its first participants: Russia, Belarus and Kazakhstan. The institutional, economic and regional development effects are singled out. The analysis is based on statistical data and expert interviews conducted during the field research in 2016–2017. It has been established that the main effects of the Customs Union are institutional. Their content – the adoption of new regulatory and legal documents – is the same for the border regions, and the consequences are different and strongly depend on the combination of national and local factors. The economic effect of the Customs Union, which should have increased the volume of mutual trade, is not the same. In most cases, until 2013, the volume of foreign trade with the neighboring country had been increasing. Further dynamics was determined by the global conjuncture in the raw materials sectors of the economy, the economic crisis and other factors.

Key words: Customs Union, border regions, institutional effects, foreign trade

doi 10.17072/2079-7877-2017-4-50-59

© Морачевская К.А., Зиновьев А.С., 2017

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) научного проекта №16-32-01119